

Богумил Татьяна Александровна, Куляпин Александр Иванович
ТАМБОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ В. М. ШУКШИНА

В статье рассматривается семантический ореол Тамбова в творчестве В. М. Шукшина, связанный с фактами биографии писателя. Тамбовская область выступает как средоточие исконно русского национального характера и пространство неосуществившихся возможностей. Город подтверждает свой статус, сформулированный М. Ю. Лермонтовым, - бытие в потенции, исподволь. Упоминаются и другие города, способные составить альтернативную литературную карту творчества писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 2. С. 16-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

В своем «жизнетворчестве» Андрей Белый стремился воплотить новую траекторию бытия «нового человека». Явление миру игровой личности Андрея Белого указывает, говоря словами Й. Хайзенги, на некую «взволнованность» человечества космосом, на «сверхлогический характер положения человека в космосе» [12, с. 22] и открывает уникальные перспективы духовного и нравственного преобразования личности.

Своеобразие личности Андрея Белого нашло зеркальное отражение в его уникальных произведениях. Реконструкция творческого мирозерцания писателя позволяет сделать вывод о том, что сущностной характеристикой личности писателя является игровое начало.

Список литературы

1. **Акопова Ю. А.** Ритм и смысл (проблемы поэтики прозы Андрея Белого) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 19-22.
2. **Белый А.** Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. **Белый А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. Т. 3. Москва: Московский чудак. Москва под ударом: романы. 384 с.
4. **Белый А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. Т. 4. Москва: Маски: роман. 440 с.
5. **Бонецкая Н. К.** Пути постнищевского христианства // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 118-129.
6. **Бычков В. В.** Эстетика: учебник. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
7. **Витгенштейн Л.** Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 79-128.
8. **Гадамер Г.-Г.** Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
9. **Кандова Я.** Словарь неологизмов из романа Андрея Белого «Москва» [Электронный ресурс]. URL: <http://newlit.ru/~kandova/5219-2.html#content> (дата обращения: 27.11.2015).
10. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Ранняя классика [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev_HistEst/Est2_4_5.php (дата обращения: 07.04.2015).
11. **Хейзинга Й.** Осень Средневековья [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/HUIZINGA/osen.txt> (дата обращения: 05.07.2016).
12. **Хейзинга Й.** Homo Ludens [Электронный ресурс]: статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?id=1580&part=article> (дата обращения: 15.08.2016).
13. **Шелер М.** Человек и история // THESIS. М.: Изд-во ИГИТИ им. В. Полетаева, 1993. Вып. 3. Мир человека. С. 132-155.
14. **Шиллер Ф.** Статьи по эстетике. М.-Л.: Academia, 1935. 672 с.

ANDREI BELY IS "A PLAYING MAN"

Akopova Yuliya Alekseevna, Ph. D. in Philology
Rostov State University of Economics
yuyay@mail.ru

The article raises the problem of the uniqueness of Andrei Bely's personality. The author concludes that the ontological foundation of Bely's "life creativity" is the game beginning, embodied in the writer's personality organization, his creative interaction with various philosophical and aesthetic, culturological conceptions of the 20th century, the phenomenon of "language game". The appearance of Bely's playing personality in the world opens up new opportunities of spiritual and moral transformation for the mankind.

Key words and phrases: life creativity; game; symbol; theurgy; word creation; linguistic personality; reflexion; chaos; cosmos.

УДК 82-3

В статье рассматривается семантический ореол Тамбова в творчестве В. М. Шукшина, связанный с фактами биографии писателя. Тамбовская область выступает как средоточие исконно русского национально-го характера и пространство неосуществившихся возможностей. Город подтверждает свой статус, сформулированный М. Ю. Лермонтовым, – бытие в потенции, исподволь. Упоминаются и другие города, способные составить альтернативную литературную карту творчества писателя.

Ключевые слова и фразы: реальная литературная карта; альтернативная литературная карта; биографический контекст; биографический претекст; Тамбовский текст; функциональная синонимия топов.

Богумил Татьяна Александровна, к. филол. н.
Куляпин Александр Иванович, д. филол. н., профессор
Алтайский государственный педагогический университет
tbogumil@mail.ru; iskander58@mail.ru

ТАМБОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ В. М. ШУКШИНА

Исследование выполнено в рамках проекта № 16-14-22001 РГНФ «Семиотика пространства в региональной литературе: особенности геопоэтики В. М. Шукшина».

Только ленивый не припомнит в связи с Тамбовом обидные слова М. Ю. Лермонтова: «Тамбов на карте генеральной / Кружком означен не всегда» [2, с. 529]. Между прочим, на то он и классик, чтобы зреть

в корень и говорить досадную, но правду. Этимологическая связь топонима с омутом – тут тебе и кружок, и отсутствие присутствия – проявилась, например, в личной судьбе и творчестве В. М. Шукшина. Известно, что в 1948 г. Василий Макарович был направлен Владимирским горвоенкоматом учиться в авиационное училище, расположенное в Тамбовской области. Всевозможные справки для поступления Шукшин повез сам и, к несчастью, потерял их дорогой. В училище без документов он явиться не посмел, но и во Владимир не вернулся, было стыдно за ротозейство [5, т. 9, с. 196-197]. Не случись потери – в омут кануло – и, кто знает, как повернулась бы судьба начинающего писателя. Возможно, затянуло бы военное поприще, столь колоритно описанное М. Ю. Лермонтовым в «Тамбовской казначейше». По меньшей мере, рождалась бы иная проза.

Тамбов подспудно возникает в произведении Шукшина с автобиографическим подтекстом – неудавшейся военной карьерой. Например, судьба Петра Ивлева в романе «Любавины» (1987) круто поворачивается после прочтения письма, написанного отцом перед арестом. Герой, окончив военное училище и тщеславно мечтая в тридцать пять лет стать генерал-майором, вдруг ощутил душевную необходимость открыть, что он сын «врагов народа». Разумеется, его исключают из партии и на мечтах поставлен крест. Эта тема весьма личная и болезненная для писателя. Показательно, что в дипломном фильме Шукшина «Из Лебяжьего общаку» (1960), некоторые мотивы из которого позже вошли в повесть «Там, вдали» (1966) и, в измененном виде, во вторую книгу «Любавиных», роль Ивлева исполнял сам Шукшин. Тамбовская область здесь не названа, но наличествует в биографическом претексте, в травматичной для автора ситуации неуспеха, потенциального, не воплотившегося жизненного сценария. Тамбов как бы есть, но – отсутствует.

Сюжет неудавшейся военной карьеры возникает в рассказе «Мечты» (1973). Рассказчик, подобно Шукшину, в молодости работал на стройке в Калуге, но мечтал «в офицеры выйти» [Там же, т. 7, с. 19]. Тогда, если бы его спросили о мечтах, он «соврал бы – что-нибудь про летчиков бы, моряков» [Там же, с. 18]. Шукшин, как известно, служил на флоте и планировал поступать в авиационное училище. С. М. Козлова усматривает в реплике авторизированного персонажа критическое разоблачение социально-психологического механизма «“мечты”-лжи как способа идеологической адаптации», точку зрения уже взрослого писателя на себя юного: «Вопреки официальной апологии мечты и мечтательности, Шукшин трактовал последние как свойство незрелой детской души, преодолеваемое жизненным опытом (“Я отмечтался”), как “красивые слова”, “ложь”, как выражение пустого честолюбия и зависти» [6, с. 209, 210]. Инфантильная мечта рассказчика не осуществилась, свидетельством чему его «солдатское» лицо [5, т. 7, с. 20]. Зато воплотилась в жизнь мечта другого, малоприятного, персонажа, который стал официантом. Тождественное начало слов «офицер – официант» усиливает коренное различие профессий. Офицер традиционно ассоциируется с понятием чести и доблести. Официант здесь представлен как человек-хамелеон, презирающий «недостойных» и лицемерно уважающий «избранных».

Своеобразным двойником официанта в корпусе текстов Шукшина является Геннадий Сергеевич Кондрашин («Мнение», 1972), изображающий из себя «кинематографического американца» с «надменным, несколько даже брезгливым выражением на лице» [Там же, т. 6, с. 46]. Идентичны сюжетные метаморфозы персонажей: утрата исконно русского простодушия, доверчивости и усвоение «чужой» системы ценностей и поведения, чередующей презрение и льстивую угодливость. Портретная деталь, объединяющая персонажей, как ни странно, – нос – изобличитель их национальных корней. У калужского по происхождению официанта нос «курносый», у советского чиновника «вполне приличный нос» заканчивается «этаким тамбовским лапоточком» [Там же, с. 47].

В контексте рассказов Шукшина Тамбовщина функционально синонимична Калужской области, выступает как пространство-средоточие русского национального характера, искаженного и извращенного в процессе жизненного приспособления. Хотя между этими двумя топосами есть и существенные отличия. В статье «Монолог на лестнице» (1968) Шукшин, рисуя образ города в его идеальной ипостаси, вспоминает именно Калугу: «Город – это и тихий домик Циолковского, где Труд не искал славы» [Там же, т. 8, с. 29]. Семиотический ореол Тамбова таков, что претендовать на роль образцового города он не может в принципе.

А. Варламов не совсем прав, утверждая, что «Калуга <...> остается самым загадочным, непроявленным местом в биографии писателя, об этом времени он никогда не рассказывал, но ничего и не сочинял» [1, с. 54]. На самом деле Калуга для Шукшина – семиотически очень нагруженный локус. Как место самоотверженного труда и беззаветного служения истине Калуга упомянута не только в статье «Монолог на лестнице», но и в повести «Там, вдали». Главная героиня повести Ольга Фоныкина в сцене объяснения с возлюбленным в качестве ориентира для жизнетворчества называет Циолковского:

«– Я видела в Калуге его домик... Здорово это – почти всю жизнь прожить непризнанным. Только под конец, когда уже ничего не нужно... А?»

– Это – подвижники, – согласился Юрий. Его тоже постепенно захватывало чувство, какое владело сейчас Ольгой; она умела заражать. – Это – чисто российское явление» [5, т. 3, с. 254].

Упоминание Калуги Циолковского становится поводом для разговора о кардинальном переустройстве своей незадавшейся судьбы. Ольга мечтает о доме, в котором помимо всего прочего обязательно должна быть столярная и слесарная мастерская и много-много всяких инструментов. Даже письменные столы она предлагает Юрию сделать собственными руками. Это, разумеется, прозрачная аллегория. Конечно, не о столах думает Ольга, а о жизненном пути *self-made man*. Финал диалога, впрочем, недвусмысленно показывает, что очередной план Ольги о новой, более правильной жизни (как и в рассказе «Мечты», связанный с калужским хронотопом) также несостоятелен, как и все предыдущие: «Ольга резко качнула головой, стряхивая каплю воды, напозавшую со лба на глаз. Пристально посмотрела на Юрия, так, что тому не по себе как-то стало. Легла на спину и опять закрыла лицо руками. И замолчала» [Там же].

Поиск истоков русского национального характера происходит в написанном на основе киносценария романе «Я пришел дать вам волю» (1971). Решающий момент восстания крестьян 1670-1671 гг. под предводительством Степана Разина (играть его в фильме предполагал сам Шукшин) связан с выбором пути войска. На вопрос Степана ватаге, куда идти, донские казаки кричат за Волгу, а пришлые люди за Дон: «Пряником, мимо Тамбова!». Повествователь комментирует: «Это вопрос коренной – как идти. Как идти, так и воевать, донцы, кто поумнее, понимали это; беглые мужики хороши в родных своих местах, там один драный молодец будет стоять трех» [Там же, т. 4, с. 162-163]. Советники Разина тоже разделяются. Казак Фрол Минаев говорит: «Ты оглянись – кто за тобой идет-то! Рванина – пограбить да погулять, и вся радость. Куда ты с имя? Под Тамбовом завянешь... <...> С какой такой радости мужик на войну побежит? Ты по этим гонисся, какие с тобой? Этим терять нечего, они уж все потеряли. А те... Нет, Степан, не пойдут» [Там же, с. 184]. В пользу Дона склоняет вожака мужик Матвей Иванов. Путь через Воронеж, Тамбов и Тулу выгоден тем, что там «черного люда» много, можно под Москву дойти с огромным войском. Степан иронизирует: «Ты чего ж, Матвей: на царя наметился? <...> Ведь мы эдак, как ты советуешь-то, – все царство расейское вверх тормашками?.. <...> Пойдем Волгой». По мнению Матвея, это решение стало первой большой промашкой Разина, началом его грядущего поражения [Там же, с. 175-176].

Окончательный выбор Степана Разина в пользу Волги, а не Дона предопределил ход исторических событий. Как и в биографии Шукшина, Тамбов оказался пространством альтернативной реальности, неиспользованных жизненных возможностей, городом, не обозначенным «на карте генеральной». И в этом статусе Тамбов не одинок.

В упомянутой выше истории Петра Ивлева из романа «Любавины» задействованы два автобиографических претекста: отказ от военной карьеры, связанный с Тамбовом, и клеймо сына «врага народа», связанное с Барнаулом. Барнаул, административный центр Алтайского края, по наблюдению исследователей, перенасыщен достопримечательностями в честь В. М. Шукшина [3, с. 101]. В действительности Барнаул, где расстреляли репрессированного отца Василия, был для писателя городом неприятным и избегаемым: «Анализ произведений Шукшина показывает, что Барнаул либо “выпадает” из пространства художественного мира писателя, либо приобретает негативные коннотации. <...> это своеобразный *locus non gratus* в художественном пространстве Шукшина» [Там же, с. 102-103].

До сих пор исследователи взаимоотношений пространства и писателя, *genius loci*, описывали очевидные связи между ними. Между тем любая система остается неполной, если изучены только положительные ее элементы, тогда как отрицательные оставлены за пределами внимания. Имеется в виду наличие в жизни и текстах любого автора своеобразных «минус-пространств», порождающих смыслы самим значимым фактом своего отсутствия. Таковыми городами для Шукшина оказались как минимум Тамбов и Барнаул. Возможно, какие-то пространства, в принципе, тяготеют к «отсутствующему» бытованию. В частности, Барнаул не стал местом проживания Ф. М. Достоевского, хотя многое к тому способствовало (см., например: [4]). Вслед за реальной литературной картой России могла бы быть создана альтернативная литературная карта с городами, не выделенными «кружком», но потенциально или подспудно важными для понимания творчества писателей.

Список литературы

1. Варламов А. Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. 399 с.
2. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1988. Т. 1. 720 с.
3. Марьин Д. В. Шукшинская география (города СССР в жизни и творчестве В. М. Шукшина) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 99-105.
4. Сафронова Е. Ю. Ф. М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 76-85.
5. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9-ти т. Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2014. Т. 3. 374 с.; Т. 4. 494 с.; Т. 6. 358 с.; Т. 7. 334 с.; Т. 8. 506 с.; Т. 9. 232 с.
6. Шукшинская энциклопедия / гл. ред. и сост. С. М. Козлова. Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2011. 518 с.

TAMBOV IN V. M. SHUKSHIN'S ARTISTIC GEOGRAPHY

Bogumil Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
 Kulyapin Aleksandr Ivanovich, Doctor in Philology, Professor
 Altai State Pedagogical Academy
 tbogumil@mail.ru; iskander58@mail.ru

The article discusses the semantic halo of Tambov in V. M. Shukshin's creative work connected with the facts of the writer's biography. Tambov region is represented as the centre of the traditional Russian national character and space of unrealized opportunities. The town confirms its status formulated by Mikhail Lermontov – the existence in potency, little by little. The authors also mention other towns that can make an alternative literary map of the writer's creativity.

Key words and phrases: real literary map; alternative literary map; biographical context; biographical pretext; Tambov text; functional synonymy of topoi.